

Б. А. Леонова

Компоненты традиционной похоронной
обрядности в городской среде
позднесоветского времени
(на материале Орловской области)

Леонова Бэла Арсеновна, Орловский государственный институт культуры (Орел), кафедра культурного наследия, заведующая кафедрой, доцент, кандидат филологических наук; ogiik.nhk@mail.ru

В докладе описаны некоторые традиционные элементы русской похоронной обрядности, продолжавшие бытовать в 1980-х гг. на территории Орловской обл. Автор сопоставляет обрядовые практики этого периода с их более ранними формами, а также с современной похоронной обрядностью региона. Это позволяет выявить некоторые факторы, повлиявшие на трансформацию изучаемого явления.

Ключевые слова: русские, похоронная обрядность, региональная обрядовая традиция, Орловская обл.

В докладе обобщены сведения, относящиеся преимущественно к 1980-м гг. и полученные посредством собственных наблюдений автора, а также из рассказов информантов. Анализируемые материалы характеризуют массовые похоронные практики, распространенные в этот период как в сельской, так и в городской среде. Городские материалы относятся в основном к г. Орлу, в меньшем объеме – к районным центрам области, гг. Ливны и Мценск. Здесь сохраняли актуальность некоторые существенные в контексте традиционной картины мира компоненты похоронной обрядности, происходящие из предшествующих столетий. С окончанием советской эпохи они стремительно вытеснялись из широкого обихода.

Одной из очевидных причин живучести ряда обрядовых практик – как и их трансформации и редуцирование именно с уходом советской эпохи – были особенности развития сферы так называемых ритуальных услуг. В советское время эти услуги были куда менее доступны населению и охватывали значительно меньший круг потребностей, порождаемых сложившимися похоронными

обычаями. Заботы о погребении, включая подготовку к нему, собственно похороны и поминки, практически полностью ложились на плечи близких покойного. Эти обстоятельства способствовали стойкому сохранению некоторых традиционных практик даже в городе, где условия жизни не позволяли в полной мере воспроизводить многие компоненты старой погребальной обрядности. Знания о правильной обустройке проводов умершего транслировались непосредственно через сложившуюся систему прескрипций и личный опыт наблюдения и участия в них.

В постсоветской действительности активная коммерциализация ритуальных услуг привела к их всесторонней ориентации на потребительский спрос. Профессионалы этого бизнеса взяли на себя значительную часть задач, которые ранее решались силами родных и близких покойного. Многие из сохранившихся до того времени компонентов похоронной обрядности перестали массово воспроизводиться традиционным способом в среде бытования. Похоронный бизнес предложил взамен некий готовый продукт. Попавшие в его поле прежние обрядовые формы неизбежно претерпели определенные изменения в угоду коммерческой целесообразности.

Относительно описываемого периода следует отметить демографический фактор, повлиявший, как представляется автору, на ситуацию с похоронной обрядностью 1980-х гг. на Орловщине. Это значительная доля выходцев из деревни первого-второго поколений в составе городского населения. Такие горожане не только сами были склонны воспроизводить усвоенные в сельской среде правила, но служили каналом их распространения и поддержания в условиях города.

Приведем несколько выразительных примеров. Так, в позднесоветской действительности тела усопших зачастую проходили требуемую традицией подготовку и пребывали вплоть до дня погребения не только в деревенских домах, но и в городских квартирах. Сообразно сохраняли актуальность предписания, связанные с ритуальным преобразованием домашнего пространства. На Орловщине и в городских квартирах нередко в день похорон можно было наблюдать такой обрядовый атрибут, как сено. Знание о необходимости использовать сено в качестве наполнителя для погребальной подушки в описываемый период было повсеместным. В городских условиях это требование вызывало определенные затруднения, однако в большинстве случаев родные покойного стремились его соблюсти. Сено также могли подкладывать на дно гроба. Примечательно, что сеном устилали полы в комнате, где стоял гроб. Такое покрытие не было сплошным, считалось до-

статочным символическое разбрасывание небольших клочков по всей свободной площади пола.

После отбытия похоронной процессии на кладбище, оставшиеся в доме женщины из числа соседей или знакомых в полном соответствии с обычаями сначала выметали сено по направлению к порогу, а потом мыли полы. При этом в сельской местности сено принято было сжигать подальше от дома, в городской среде такого требования нами не выявлено: в большинстве случаев информанты считали достаточным просто выбрасывать его в общественный мусорный контейнер.

Отметим повсеместное в 1980-х гг. сохранение обычая выставлять гроб с покойным на некоторое время во дворе перед отправлением на кладбище. Информанты объясняли этот обязательный момент обряда тем, что здесь с умершим могли проститься соседи, а также это воспринималось как прощание самого умершего с домом.

В настоящее время не только подготовка тела к погребению, но также прощание и отъезд на кладбище преимущественно организуются специальными службами и на их территории. Однако, данью обычаю, практически вытесненному из городской среды, остается распространенная практика, согласно которой транспорт ритуальной службы по желанию заказчиков подъезжает к дому покойного и останавливается здесь ненадолго. Смысл данного действия его участники зачастую объясняют тем, что так покойный прощается с домом, посещая это место в последний раз. Эти «прощальные визиты» играют существенную роль в современной практике похорон: они – пусть и в редуцированной форме – позволяют сохранять связь похоронной обрядности с домом, ее важнейшим локусом в контексте традиционной культуры. У современных «прощальных визитов» покойного к его жилищу имеются и определенные параллели в старинных обычаях, сохраняющихся по сей день на селе: похоронная процессия может по желанию родственников останавливаться в местах, особенно тесно связанных с умершим (например, возле домов родных, у места работы). Орловские архивные материалы 1920-х гг. свидетельствуют о давних истоках этого обычая, однако места остановок тогда определялись не только по их связи с покойным, но и по инициативе односельчан, чьи дома оказывались на пути похоронной процессии. Причиной было желание проститься с умершим и услышать, как служит сопровождающий процессию священник¹.

Среди сохранявших актуальность обычаев в позднесоветский период заметное место отводилось бережным практикам

и запретам. К таковым относилось, например, непременное завешивание зеркал в доме, где находилось тело. Интересно, что во многих случаях данное правило распространялось также на полированные и застекленные фасады мебели. То есть требование касалось не собственно зеркал, а отражающих поверхностей в целом. Возможно, в неартикулированной форме такие действия сохраняли связь с древними представлениями об опасности запечатления души покойного в отражении или об угрозе «удвоения смерти». В настоящее время, по нашим наблюдениям, завешивание зеркал информанты расценивают как символическое действие, манифестирующее скорбь по умершему, подобно траурной одежде. Прескрипциями защитного характера продолжают считаться: запрет забирать что-либо из гроба и с могилы, разрезать путы на руках и ногах покойного перед погребением (узлы можно только развязывать), необходимость сразу переворачивать освободившиеся табуреты/скамьи, на которые в процессе ритуала устанавливают гроб. Все перечисленные действия были актуальны и в описываемый нами познесоветский период, но необходимость содержания тела умершего в жилом пространстве, безусловно, 287 значение апотропейных практик.

Отметим еще один обычай описываемого периода, который вытеснен из современного обихода. Те, кто заходил в день похорон проститься с покойным в его дом, нередко делали денежные пожертвования в помощь семье умершего, оставляя их прямо в гробу. Деньги клали поверх покрывала, в ногах покойного. Это делалось всегда без всяких комментариев, благодарностей или вопросов с чьей-либо стороны. Перед выносом гроба с телом деньги, как и живые цветы, которые посетители укладывали прямо на тело покойного, из гроба убирались.

В отличие от дома кладбище понесло меньше утрат в своем ритуальном статусе. Исполняемые здесь обычаи мало изменились с 1980-х гг. Сегодня, как и в позднесоветский период, например, обязательно присутствие одной или двух женщин, обеспечивающих омовение рук каждому, кто бросил в могилу положенную горсть земли. Для этого на кладбище берут бутылки с водой и полотенце. Использование мыла обычно не предполагается, поскольку омовение по-прежнему осмысляется как ритуальное, не забыт и его обережный смысл. На женщин возлагается также обязанность доставлять на кладбище поминальное угощение и наделять им присутствующих после омовения рук. Каждый обязан хотя бы символически поучаствовать в этой трапезе, состоящей из бутербродов, спиртного и сладостей.

В женской субкультуре описываемого периода особое значение имела подготовка собственного погребального облачения и ритуального текстиля. На Орловщине самым распространенным термином для обозначения заранее собранной погребальной одежды служит слово «смёртное» («смерётное»)². Состав комплектов «смёртного» на селе и в городе различался. Так, для городской среды не обязательным было включение в него ритуальных рушников или рушник готовился один – для повязывания на могильный крест. В сельской местности пожилые женщины зачастую хранили целые коллекции рушников, и в похоронно-поминальных практиках использовалось несколько таких предметов.

Требования к погребальной одежде позднесоветского времени заметно изменились в сравнении с классической обрядовой моделью. Отметим, что в описываемое время в отличие от нынешнего новизна вещей реже рассматривалась как необходимое качество. Достаточно часто хоронили в ношенной одежде. В этом случае выбиралось что-то из разряда лучших вещей или выбор мотивировался желанием самого покойного, высказанным при жизни. Однако указанные варианты реализовывались обычно в отношении тех, кто не имел возможности правильным образом подготовиться к своему уходу из жизни. Многие женщины пожилого возраста в полном соответствии с традицией считали необходимым готовить свое «смёртное» самостоятельно. На селе это делали практически все. В городской среде – лишь часть женщин. «Смёртное» могло обновляться, и неоднократно, в связи с утратой желаемого внешнего вида (пожелтение, порча молью) или сменой представлений о достойном облачении (выбор более современной, более красивой одежды или одежды, лучше отвечающей переменам в возрастном статусе). Большинство женщин, собиравших «смёртное», с готовностью обсуждали и даже демонстрировали его как в общении между собой, так и с интервьюером. «Смёртное» принято было хранить в определенном месте, о котором обязательно сообщали близким, дабы не возникло затруднений с его поисками.

На сегодняшний день погребальная одежда обязательно входит в ассортимент ритуальных служб. Конечно, при этом не предполагается, что такой товар массового сегмента должен удовлетворять житейским требованиям. Однако в традиционной картине мира дело обстоит иначе. Одежда и обувь покойного должны служить ему так же, как живым. В классических фольклорных нарративах, как и в рассказах информантов позднесоветского времени, один из наиболее распространенных мотивов – жалобы умершего, являющегося своим близким в сновидениях, на недо-

статки погребального облачения, из-за которых он испытывает неудобства или страдания «на том свете». Как известно, действенным средством в таких случаях считается закапывание необходимых предметов на месте погребения (подобные верования сохраняются и сегодня). Разумеется, собранное своими руками «смёртное» предполагало, помимо прочего, упреждение подобных проблем.

¹ Орловский государственный объединенный литературный музей И. С. Тургенева. Ф. 139. Ед. хр. 44636.

² Словарь орловский говоров. Вып. 14. Орел, 2003. С. 23.

UDC 393.05(470.319); (161.1)

B. A. Leonova

Components of Traditional Funeral Ritualism
in the Late Soviet Urban Environment
(a Case Study of Orel Region)

Leonova Bela Arsenovna, The Orel State Institute of Culture (Orel), the Department of Cultural Heritage, head of department, leading researcher, Ph. D. (Philology); ogiik.nhk@mail.ru

The paper describes some traditional elements of Russian funeral rituals that persisted in Orel Region up until the 1980s. The author compares the rituals of that time with their earlier forms and with the modern funeral ritual in use in the region. That enables her to detect some factors that influenced transformation of the phenomenon in question.

Keywords: the Russians, funeral ritualism, regional funeral custom, Orel Region.